

ЗДЕНКА МАТЫУШОВА

**ДУХОВНЫЕ «МЕДИТАЦИИ» НАД ЖИЗНЬЮ И ЧЕЛОВЕКОМ
IN THE DEPTHS OF CONTEMPLATION AND POETIC MEMORIES****Abstrakt**

Předložená stať je věnována problematice prozaické tvorby ruského spisovatele Viktora Astafjeva. Souběžně s jeho stěžejními díly, jakými jsou zejména *Poslední pocta*, *Pastýř a pastýřka*, *Moderní pastorále* a *Její Veličenstvo ryba*, vydává Viktor Astafjev v rozmezí let 1961–1987 na tři desítky drobných prací, které později vycházejí pod názvem *Záseky*.

Abstract

The study reflects on a contemporary Russian writer Victor Astafjev. In the proximity of his crucial pieces of work, which are namely the following: *The last Tribute*, *Shepherd and Shepherdess*, *A Modern Pastoral* and *Czar-Fish*, Viktor Astafjev published in the years 1961–1987 approximately thirty short stories, which were later on published in the book – *Abatises*.

Klíčová slova

Viktor Astafjev ■ ruský prozaik ■ Záseky ■ drobné prózy ■ poetické miniatury ■ reflexe ■ humanistický podtext

Keywords

Victor Astafjev ■ Russian novelist ■ Abatises ■ short prosaic texts ■ poetic miniatures ■ reflections ■ humanistic vertones

Писательская деятельность Виктора Астафьева была и остаётся замечательным явлением, прежде всего, в литературном процессе 60–90-ых гг. XX-ого века. Он был автором, творчество которого ненарочито представлено в общем развитии русской литературы, но играло и играет до сих пор в определённом смысле активную роль в комплексном развитии общества.

Наряду с основными произведениями, какими в особенности являются «*Последний поклон*» (1957–1978), «*Пастух и пастушка. Современная пастораль*» (1967–1971) и «*Царь-рыба*»¹ (1972–1975),

¹ Podrobněji – in: Matyušová, Z., *Cestou k člověku (Viktor Astafjev a jeho doba)*, Nitra 2003.

Виктор Астафьев издаёт на протяжении 1961–1987 годов около трёх десятков небольших работ, которые позднее выходят под названием «Затеси» (1988, не переведены).

В них отражается склонность Астафьева к публицистике и с точки зрения жанра их можно отнести к поэтическим миниатюрам-воспоминаниям, кратким рассказам, рефлексиям, деревенским и этнографическим очеркам, лирико-философским размышлениям о человеке (*Ягодка, Вздох, Паруня, Падение листа, Одна минута, Счастье*), природе (*Хлебозары, Родные березы, На дне реки, Паутина, Летняя гроза*), любви, поэзии, человеческой мудрости и о смысле человеческой жизни (*Травинка, Звезды и елочки, Тропа, Кладбище, Печаль веков, Гимн жизни, Страх, Тоска, Все о тебе, Горсть спелых вишен, Рукою согретый хлеб*).

В предисловии к своей книге автор пишет:

*«'Затеси' писались всю жизнь, печатались в разных изданиях...
... первому изданию 'Затесей' я дал подзаголовок 'Короткие рассказы'. Но это неточно. Рассказов как таковых в этой книге было мало, остальные – миниатюры – не 'тянули' на рассказ, они были бы вне жанра (подч. З. М.), не скованные устоявшимися формами литературы.*

А затесь – сама по себе вещь древняя и всем ведомая – это стёс, сделанный на дереве топором или другим острым предметом... В разных концах России название мет варьируется: 'зарубы', 'затёсины', 'затёски', 'затёси', по-сибирски – 'затеси'».²

Эти небольшие прозаические произведения постигают весь размах астафьевского личного восприятия мира в захватывающем напряжении, а также в проникновенной гармонии духа и органов чувств, разума и эмоций.

При этом он непосредственно касается человека, который постоянно присутствует в каждом действии, жесте и взгляде. Это является убедительным доказательством того, что и здесь Астафьев остаётся верным своему «творческому кредо», которое мы сами воссоздали при анализе его прозаических произведений – мир имеет смысл только с человеком, через человека и для человека.

Эта общечеловеческая проблематика переходит в некую духовную «медитацию», в размышления об основных вопросах бытия,

² Астафьев, В., Затеси, in: *Зрячий посох*, Москва 1988, стр. 273–274.

времени, взаимосвязи между человеком, природой и космосом – зачем, откуда и куда человек идёт.

*«И не оттого ли в летние ночи ... свято притихшая земля лежит в ярком осиянии, в сердце нашем пробуждается тоска о еще неведомом? ... И небо в эти минуты словно бы становится вестником нашего перворождения, доносит отголоски тех бурь, из которых возникли мы».*³

Пейзаж здесь является, с одной стороны, синтезом сведений, собранных во время странствий по свету, с другой стороны, это поэтизированный реальный мотив, в котором лирическое настроение и переживания перерастают в поэтическую притчу. Возникает впечатление, что Астафьев здесь в полной мере даёт волю музыкально окрашенному воображению и самобытному лиризму. Лирика *«Затесей»* аналитична и сензитивна, заложена на чувстве, впечатлении и настроении.

В сенсуальной лирике Астафьева схвачено и поэтически передаётся настоящее. Это настоящее особым способом приостановлено и задержано в своём ходе и беге, узнаваемо и наблюдаемо глазами и сердцем и переводимо во взаимодействие природных стихий и человека.

При этом нам невольно вспомнятся небольшие рассказы Пришвина, «стихотворения в прозе» Тургенева, «мимолётные размышления» Солоухина⁴, «очерки-рассуждения» Белова⁵ или «этюды» Солженицына⁶. Подобным образом и краткие прозаические произведения Астафьева создают атмосферу искренней исповеди автора, в которой всё исходит из воспоминаний и ассоциаций.

Александр Солженицын в «этюде» под названием *«Дыхание»* приводит:

«Я стою под яблоней, отцветающей – и дышу.

*Не одна яблоня, но и травы вокруг сочают после дождя – и нет названия тому сладкому духу, который напаивает воздух...».*⁷

Во второй части своей книги *«Лесная капель»* в очерке *«Солнце в лесу»* Михаил Пришвин говорит:

³ Астафьев, В., Затеси, in: *Собрание сочинений в четырех томах*, Москва 1981, том 4, стр. 425.

⁴ Солоухин, В., *Камешки на ладони*, Москва 1977.

⁵ Белов, В., *Лад*. 1979–1981 (časopisecká vydání).

⁶ Солженицын, А., Этюды и крохотные рассказы, in: *Сочинения*, Посев 1966.

⁷ *Op. cit.*, стр. 291.

*«Солнце ... спряталось за большим деревом и бросает оттуда в темный лес свои ранние утренние косые лучи С поляны сияющей входишь в темный лес ... Невозможно сказать, до чего прекрасно бывает в темном лесу в яркий солнечный день...».*⁸

И Виктор Астафьев в рассказе «Тропа» пишет:

*«Русский лес – земная красота, есть ли такие слова, которыми можно было бы воспеть тебя! ... Я счастлив и оттого молчу. Я просто иду, я просто дышу, я просто смотрю, я просто слушаю, как чисто и звонко заливается зорянка ...».*⁹

С первых же слов Астафьев вступает in medias res – перед взглядами открывается панорама пейзажа. Это величавое начало, когда неожиданно появляется урожайный край, залитый солнцем, туманом или дождевой влагой. Природа и край расцветают в летнем зное как особые существа, полные сил и гармонии, или же отдыхают в ночной прохладе осеннего умиротворения. Именно такие образы одновременно символизируют и несомненное единство земли с космосом.

«Поля и села... Облачное небо над ними, леса и перелески тронуты первыми холодами, листья багряные, что звезды на углах черных изб... елочки, выскочившие на обочину опушки, будто поджидают, когда их нарядят лентами...»

*И снова тихая умиротворенность кормящей матери-земли, привычно, в труде, прожитый день, привычные сумерки, наползающие из-за холмов, привычные дали, объятые покоем».*¹⁰

Форма краткого рассказа, размышления с лёгкой дидактической окраской, фельетона и лирических очерков о природе точно соответствует подобному устремлению. Небольшие прозаические произведения Астафьева, образно говоря, являются скромными микрокосмами, в которых мы восхищаемся как совершенным выражением, так и глубиной мысли и выражением философской позиции автора к вещам будничным и каждодневным.

«Можно смотреть, смотреть и каждую минуту замечать во круг в природе перемены и ощущать вместе с нею чуткое, в ночь переходящее за вечерье. Все еще видно внизу остывающую реку, за нею зароды сена сделались отчетливей на осветившихся лугах, переле-

⁸ Пришвин, М. М., *Избранные произведения в двух томах*, Москва 1951, том 1, стр. 386.

⁹ Астафьев, В., Тропа, in: *Поросли окопы травой*, Москва 1965, стр. 172–173.

¹⁰ Звезды и елочки, *Op .cit.*, стр. 415.

*ски по-за лугами, означившиеся на последнем небесном свете, совсем темнели, сцепившись в тихом испуге стволами и листвой».*¹¹

«Белые стволы берез пестрели, как веселые сороки, а на нежной зелени зазубренных листьев было так хорошо, покойно взгляду после ошеломляющего блеска чужеземной, бьющей в глаза растительности.

*Ах, как сладко пахнет береза».*¹²

Природные кулисы для Астафьева – это не только возможность описания их событийной привлекательности, но они часто являются тоже символом и особой приметой жизни. Автор проецирует в них своё человеческое познание, свою философски окрашенную медитацию о мире – спокойном и чарующем, но в то же время охваченном самыми разнообразными катастрофами.

Исходя из того, что мы привели выше, большинство астафьевских сюжетов отличается определённой обыкновенностью взгляда, искренность и интенсивность которого состоит в том, что он находит ценность и значение вещей, которые многие другие иногда – хотя и спонтанно и неосознанно – не замечают.

«Затеси» – это прозы, которые постигают всю широкую шкалу астафьевского личного восприятия мира в увлекательном напряжении контраста разума и чувства, души и зрения, духа и физических чувств. Прозаик чувствовал, что только то, что человек прожил, его формирует. Поэтому жизнь для него является беспрестанным созерцанием, исследованием, наблюдением и самовыражением посредством своего творчества.

«Затеси» – это типично астафьевская проза истинно кристаллической формы с заслуживающей внимания монолитностью и целостностью образов. Облака как будто бы отражаются в земле и пространстве, чёткие линии дорог гармонируют с грунтом, который связан с корнями деревьев, движения облаков и синее небо гармонируют с золотым цветом созревающей пшеницы. Небо и земля, поле и пшеница, природа и человек – всё это создаёт удивительное чудесное единство сосуществования. Астафьев таким образом выразил проникающую через всё животную природную силу. Мы чувствуем её как в щёлкании созревающих зерновых, так и в дыхании

¹¹ Гемофилия, *Op. cit.*, стр. 466.

¹² Родные березы, *Op. cit.*, стр. 419–420.

согретой солнцем и раскалённой земли, а также в полёте птиц, спугнутых в укрытии или же ритмичном регулярном движении косарей.

«Я вернулся к речке, сел в коренья ольхи. Вороны долго каркали, летая вокруг, бранили меня, проклинали, и я им сказал:

‘У вас своя ловля, у меня своя. Не мешайте!’

*И они успокоились, расселись по кустам, повозились, замерли, кося на меня хитрыми и наглыми глазами».*¹³

«Он еще боялся (соловей – подч. З. М.) петь ночью, но днем, при солнце и людях пробовал свой голос. Соловей без песни не может жить...

*Я слушал этого соловья и сердце мое начинало биться ровней, и силы во мне прибавлялись, и я чувствовал, знал, что пересилю хворь и на этот раз, поднимусь и поживу еще».*¹⁴

В этой необычной целостности чувствуется связь материи и вещей со светом и духом природы так, как её воспринимает и оценивает человек. И именно в этом выражена сила жизни. Астафьев намеренно помещает рядом друг с другом материальную среду и человеческую душу, дабы показать внутренние связи между ними.

«Над хлебами пылит. Пшеница ... и рожь ... дружно повернулись к замутневшим от угара ложкам, из которых все плыло и плыло тепло к колосьям, где жидкими еще каплями жило, набиралось силы и зрелости зерно.

Зарницы тревожились в небе, зарницы играли на хлебах. В русских селах так и зовут их – хлебозары.

*Я склоняюсь к древнему полю, ... я слышу, как шепчутся с землей колосья.... Я даже слышу, как зреют они. А небо, тревожась и мучаясь, бредит миром и хлебом».*¹⁵

За этими мотивами мы находим новое постижение, новые переживания и повторное признание автора в любви к природе и жизни. За каждым таким прикосновением скрывается и переоценка, а во внутреннем отражении трансформируемой действительности формируется и создаётся лирический подтон реальности, которая таким образом воздействует как одушевление себя самой в смысловых линиях прозаического произведения. Такая проза таким образом становится с художественной точки зрения сложным повествованием

¹³ Вороны-охотницы, *Op. cit.*, стр. 484.

¹⁴ Поросли окопы травой, *Op. cit.*, стр. 507.

¹⁵ Хлебозары, *Op. cit.*, стр. 422–425.

об актуальной общественной реальности, о её воздействии на мышление и образ жизни человека, который ежедневно встречается с ней непосредственно лицом к лицу.

Возникает впечатление, что его небольшие композиции как будто изливаются из души Астафьева на основе глубочайших внутренних впечатлений. Их художественная ценность является проявлением чрезвычайной человеческой обогащённости, чувствительности и интеллигентности выразительной личности творца и его исключительного таланта выражать себя в новаторских по жанру прозаических формах и в по-человечески трогательных художественных образах, которые становятся самобытным проникновением в духовный мир писателя.

В «*Затесях*» Виктор Астафьев проявил не только художественное мастерство в наполненных мотивами миниатюрах жанровых сцен с богатым выразительным фондом и лирическим чувством, но и одновременно через все трудности и перипетии также оптимистичное отношение к природе и жизни как таковой.

Это творение необыкновенной художественной ценности, фантазия которого и интенсивность повествовательной силы необыкновенны и, вероятно, поэтому заслуживают внимания.

